

The background of the cover is a detailed illustration of a man with short brown hair and round glasses. He is wearing a dark blue trench coat over a light-colored shirt and a red patterned tie. He has a serious expression and is looking slightly to the right. The setting is a European city street with multi-story buildings, a street lamp, and trees with autumn foliage. The overall style is that of a classic pulp magazine cover.

Ильгиз Гиматов

Собака в подъезде

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ильгиз Гиматов
Собака в подъезде

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

Собака в подъезде / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

Мелкий муниципальный чиновник, казнокрад, наживающийся на страданиях "братьев наших меньших", неожиданно попадает в страну собачьей цивилизации. Там люди, кому повезло, прислуживают собакам, а неудачники ищут спасения под землей.

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка для взрослых	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ильгиз Гиматов

Собака в подъезде

Сказка для взрослых

В подъезде воеет собака.

Мембраны железных дверей транслируют вой в квартиры. В них просыпаются недовольные и испуганные люди – взрослые и дети. Одни прячутся под одеяла, другие – ворчат и ругаются.

Часы во всех двадцати квартирах подъезда синхронно показывают половину третьего ночи. Время сладкого сна. Но только не сегодня. Кажется, своры свирепых собак изливают тоску на каждой площадке перед каждой дверью. Эхо играет звуками, усиливает их, переплетает, дробит и нагромождает друг на друга.

В трехкомнатной квартире номер девять на третьем этаже одновременно просыпаются Иван Петрович Задилов и его супруга Наталья.

Звериная тоска в подъезде усиливается.

Иван Петрович в трусах выходит в прихожую. Напряженно слушает. Пытается понять, что происходит в подъезде.

Зеркало на внутренней стороне входной двери отражает расплывающуюся фигуру сорокапятилетнего мужчины с покатыми плечами и отвислым животом. Задилов морщится и отворачивается от своего отражения.

– Это собака, – говорит Наталья.

– Ясное дело, – бурчит Иван Петрович. – Не корова же. Но чья?

– Соседка баба Шура, чокнутая, приваживает дворовых псин. Говорит собачкам холодно на улице. С вечера запускает их в подъезд. Прямо собачья мать Тереза.

– Это та что ли, которая у себя в квартире держит страшенькую дворняжку?..

– Ну, да... Собака у нее скандальная, как и она сама. Соседки говорят ей, что это твой пес на всех лает? А она: он не лает, а так разговаривает.

– Дурдом! – мрачно произносит Иван Петрович. – С утра планерка! Мне надо выспаться...

А вой в подъезде становится пронзительно отчаянным

Наталья сжимает ладонями виски:

– Это невыносимо!

– Утром позвоню в управляющую! – Задилов нервно шевелит пальцами правой кисти.
– Ну я их разнесу!

– А что утра ждать... – Наталья не сдерживает раздражения. – Звони прямо сейчас. И в эмчээс. И в полицию. Пусть посмеются... Если в подъезде нет ни одного мужика.

Иван Петрович опять морщится.

Кудряшки на голове Натальи нервно подрагивают. «Как же она сейчас похожа на капризную болонку», – думает Иван Петрович.

– Ну, сделай что-нибудь! Иван!

– Черт! – Иван Петрович уже в домашних джинсах и футболке шнурует на ногах зимние ботинки берцы. В них устойчивость хорошая и пинаться удобно. На всякий случай не помещают. Накидывает короткий пуховик, в котором обычно мусор выносит. На улице за минус двадцать пять. Значит и в подъезде не Ташкент. Шапку не одевает. Волосы на голове густые и кудрявые. Грех прятать.

Наталья наблюдает за мужем и ерничает:

– Рюкзак с едой не забудь.

– Надо сначала дверь подъездную открыть и подпереть чем-то, – старается не разозлиться

Иван. – Эта тварь должна же как-то выйти на улицу. А то начнет метаться по этажам...

Иван смотрит на жену и думает: «Сейчас залает».

Не лает. Презирает молча.

В последний момент перед открытием двери Иван прихватывает с нижней полки «прихожки» молоток – гвоздодер с пластиковой ручкой. Ему здесь, конечно, не место. Но он пребывает в резерве на всякий случай. И вот, похоже, этот самый всякий случай, и случился.

«Чего боишься, то и случается... – мелькает в голове Ивана Петровича. – Так вроде психологи говорят... Или не психологи, а экстрасенсы... Или мудрецы древние... Да ну их всех куда подальше!»

Задиров, сжимая в руке молоток, решительно распахивает дверь квартиры.

Словно гладиатор выходит на арену.

Крупная лохматая дворняжка, опираясь на передние лампы и присев на задние, воеет на площадке лестницы между третьим и вторым этажами. Морда в завитках шерсти задрана вверх.

После звука отрывшейся двери, морда собаки поворачивается в сторону Ивана Петровича и перестает выть, но начинает скулить на одной жалостливой ноте. Словно баян жалуется на запавшую кнопку.

И сразу лязгают, железно чавкают и дребезжат на всех этажах дверные замки и двери всех двадцати квартир. Одновременно, как по команде. Жильцы словно ждали, кто первым выйдет в подъезд. Сразу осмелели. Кто-то высовывается из квартиры, а кто-то дверь открывает нараспашку и пытается рассмотреть – а что там происходит внизу или наверху?

Ныряют головы, как поплавки, между перилами лестничных пролетов. И все разом галдят, шумят, возмущаются. Не поймешь откуда свиваются вниз или ползут вверх слова, выкрики, фразы. Они гирляндами нанизываются друг на друга, сплетаются и стягиваются в узлы и свешиваются с поручней перил. И ничего до конца не понятно. Только обрывки и ошметки злобных возгласов лезут в уши.

«Свинарник... – ник – ник – ник!». «Загадили... – ли – ли – ли!». «Стрелять – лять – лять – лять!». «Гнать – ать – ать – ать!». «Забить – бить – бить! – бить!». «Истреблять – блядь – блядь – блядь!»

Ивану Петровичу чудится, что он находится среди разъяренной собачей стаи, лающей на человеческом языке.

Лохматый пес – виновник переполоха поджимает хвост и припадает животом к бетонному полу лестничной площадки. Съезживается.

– Хватит орать! – выстрелом пастушьего кнута наполняет подъезд и глушит все остальные звуки крик с первого этажа. Подъезд замирает. Задиров узнает голос дяди Паши – пенсионера из второй квартиры.

Закоренелый браконьер дядя Паша мужик резкий и решительный. Себе на уме. В любое время суток небрит и пьян. Практически всегда во все времена года ходит в старой изношенной дубленке и больших рыбацких резиновых сапогах с войлочными чулками внутри. Этим он и известен Задирову. Еще тем, что чинит сети и чистит рыбу на скамейке у подъезда.

– Хватит орать! Мать вашу! – повторяет голос. – Сейчас отопру подъездную дверь...

Подъезд напряженно молчит и слушает ворчание дяди Паши:

– Собака – не люди... Они не гадят в подъезде.

Слышится бульканье электронного замка.

Как по сигналу, жильцы подъезда начинают скандировать:

– Бей! Бей! Бей!

Задиров замахивается молотком на собаку. Он с трудом противостоит гипнотической силе многоголосого ора:

– Бей! Бей! Бей!

В глазах собаки слезы. Она все понимает.

– Бей! Бей! Бей!

И человек бьет. Но не молотком, а ногой, упакованной в жесткие берцы. Бьет в бок подскочившей в последний момент и ощерившейся на него псины. Животное переворачивается в воздухе и...

...И Задиров Иван Петрович, раздираясь о стены подъезда и прутья перил, разбрасывая в сторону руки и ноги, больно ударяясь ими и головой о бетонные ступени, кувыркается и летит вниз. Молоток выпадает из руки.

– Бей! Бей! Бей! – продолжает скандировать подъезд.

Переворачиваясь через голову, Задиров замечает, что у всех соседей, мимо которых он пронесится, оскаленные собачьи морды.

Распахнутую дверь подъезда придерживает грузный седой шарпей с пьяными глазами дяди Паши. Он без замаха, но сильно бьет Задирова сапогом в область копчика. Ослепительная молния пронзает позвоночник снизу в верх и взрывается в голове.

Иван Петрович Задиров выносится тугой волной страха и боли на улицу. Подъезд выплевывает его. Монументальная стальная дверь на амортизаторе, медленно закрывается и удовлетворенно клацает магнитными зубчиками замка.

– Хрысть – хрысть – хрысть... – Задиров отталкивается от обжигающего холодом снега одновременно руками и ногами.

Толчок – и его тело летит – расстилается над заледенелым тротуаром.

Толчок – и из-под ног брызжут густыми острыми струйками снежные крупинки.

Толчок – полет и он опускается на пружинки скрюченных пальцев рук, чтобы опять оттолкнуться и взлететь.

Иван Петрович не думает, почему он так по-звериному передвигается.

Он изо всех сил пытается понять, что случилось в подъезде.

В голове хаос.

При каждом прыжке какой-то раскаленный стальной паучок колючими пружинками лапок прихватывает и стягивает нервы спинного мозга.

От боли хочется выть и кататься на снегу. Но сейчас надо бежать – спасаться.

«Почему? Почему у всех соседей лица превратились в собачьи морды? Что происходит, уважаемый Иван Петрович? Перед тем как закувыркаться вниз по лестнице ты боковым зрением увидел дородную болонку в дверях своей квартиры. Она визжала и верещала. Сначала: убей-бей собаку! А потом: убей-бей чела!

Может это все показалось? Может я – Иван Петрович Задиров – заместитель начальника районного отдела кастрации и чипирования управления собачьих дел регионального департамента защиты и регламентирования животных сплю и все это всего лишь кошмарный сон.

Но почему тогда так обжигает легкие ледяной воздух и разрастается боль в копчике после пинка дяди Паши. Или не дяди Паши, а пса породы шарпей по кличке дядя Паша, обутого в изношенные тяжелые резиновые браконьерские сапожища? И что за страх гонит меня по кварталу мимо бесконечного ряда автомобилей, оставленных на ночь жильцами дома. Где – то здесь и моя шкода «Октавия» – моя шкодница «Октавушка»... Спрятаться бы в ее уютное чрево, врубить музыку и Но надо продолжать бег. Неведомая сила гонит неведомо куда.»

Иван Петрович Задиров выскакивает со двора между двумя пятиэтажками на улицу. Она совершена пуста. Ни машин, ни пешеходов.

Иван Петрович несется ломаным галопом по правой обочине к перекрестку.

«Успеваю на зеленый», – думает он, приближаясь к светофору и по водительской привычке рассчитывая расстояние до него. Но расчеты не оправдываются. Из перекрестка выруливает ему навстречу полицейский автомобиль и начинает стремительно приближаться в брызгах синего света.

Сердце радостно бьется. Ну, сейчас полицейские разберутся в том, что происходит. Он все им расскажет. Будет составлен протокол и все виновные привлекутся к строгой ответственности.

Задиров сбавляет ход, поднимается с четверенок и переходит на человеческий шаг. Машет рукой.

Но полицейский автомобиль набирает скорость по встречной полосе и приближается с явным намерением таранить Ивана Петровича. В последний момент ему удается отпрыгнуть в сторону. Он падает в жесткий сугроб на обочине. За лобовым стеклом пролетевшего мимо автомобиля мелькают две фигуры в полицейских формах. На погонах сержантские лычки. У них...

«О, боже! Я, наверное, ударился головой о ступени подъезда.» – думает Иван Петрович. У полицейских скошенные к низу морды бультерьеров.

Автомобиль с визгом разворачивается и вновь устремляется на Задинова. Он со всех рук и ног мчится в подворотню, но уже не своего, а чужого двора. В глубине его детский сад, огороженный ажурным металлическим забором. За ним ряд беседок. И крошечные ярко раскрашенные сказочные домики с маленькими прорезями оконцев и проемами дверей. Иван Петрович втискивается внутрь одного из домиков и замирает.

Полицейский автомобиль тормозит у забора. Узкий луч света вырывается из бокового приспущенного окна. Он шарит по территории детского сада. Несколько раз попадает в амбразуру окна игрушечного домика.

Задиров вжимается спиной в промерзший пахнувший мочой пол. Наконец фонарик выключается. Из автомобиля слышится голос со странными горловыми всхлипами:

– Убежало человеческое отродье бродячее!

Другой такой же захлебывающийся голос:

– Отметим в рапорте – не чипированный чел мужского рода крутился у щенячьего садика... Отловят днем спецы и кое-что ему...

Конец фразы звучит неразборчиво – смазывается лающим смехом бультерьеров – полицейских.

– Гых – гых – гых – гых! И повесят ему на ухо пластиночку с чипом о его новом статусе евнуха... Гых – гых – гых – гых...

Вспыхивают бегающие синие огни и автомобиль с пробуксовкой с места набирает скорость.

Начинает мерзнуть спина, а потом и все тело заполняется тяжелым противным раствором холода. Скоро он начнет прихватываться и застывать. Но Задиров и на это не обращает внимания. Его вновь терзает вопрос: «Что происходит?»

И нет у Ивана Петровича ответа. И не к кому обратиться за разъяснением: почему он лежит на вонючем полу в домике – конуре, а не в своей уютной квартире в теплой постели на асконовском матрасе за шестьдесят тысяч рублей рядом с пышущей жаром, порой невыносимой, вечно ворчащей и всегда чем-то недовольной, но такой близкой и родной женой своей Наталией?

– Мужик... Эй, мужик! – хриплый шепот в ухо.

Задиров вздрагивает. Над ним нависает тень.

– Мужик, линияй отсюда... Сторож сейчас пойдет на обход – прихватит...

– Ты кто? – Задинова трясет от страха и холода.

– Какая разница кто ...

– Где я? Кто я? – Иван Петрович неожиданно всхлипывает.

Тень отшатывается.

– Ты что обкуренный? Или по жизни такой?

– Я заместитель начальника районного отдела кастрации и чипирования управления собачьих дел департамента защиты и регламентирования бродячих животных ... Иван Петрович Задилов... Сегодня пятница? У нас в управлении планерка с утра...

– Мудрено и непонятно, – сказал незнакомец. – Надо же как тебя угораздило, бедолага...

Тень дребезжит смешком.

– Ну что с тобой делать? Ладно, давай перебежками в мою берлогу. Хи – хи... Планерку проведем. Покалякаем за жизнь, как говорил душегуб Горбатый в «Место встречи изменить нельзя». Хи-хи-хи... Место нашей лежки сейчас изменить тоже нельзя... Колей меня зовут.

В мертвом свете уличных фонарей все вокруг видится нереальной и размытой бледно-серой акварелью.

Вокруг игровой веранды со всех сторон узкая возвышающаяся над землей бетонная дорожка. С фасада и по бокам она вычищена от снега. С тыльной стороны, куда Коля ведет Ивана Петровича, на снегу следы детской обуви.

– Здесь щенки иногда топчутся, когда играют.

«Какие щенки? – думает Задилов. – Странный мужик...»

Коля сдвигает в сторону покореженный лист фанеры. Между стеной веранды и бетонной дорожкой открывается узкий лаз. Коля проскальзывает в него.

– Давай сюда, господин начальник, – раздается из черной дыры.

«Где я? Что я делаю?» – Задилов пытается протиснуться в лаз. Не получается. Мешают живот и куртка.

– Скидывай куртку – сердится из глубины лаза Коля. – Светишь задницей!

Иван Петрович стаскивает куртку и втягивает живот. От задержки дыхания у него начинает кружиться голова. Опять не получается. Но тут сильные руки больно впиваются острыми крабами кистей в его плечи и резко втягивают внутрь.

– Ой! – вскрикивает Задилов и падает в темноту на ворох тряпья.

– Тихо... – шипит хозяин лежбища, кидается к лазу и изнутри беззвучно притягивает фанерный щит на место.

Над головой простуженный скрип промерзлых досок. Кто-то топчется наверху. Частицы студеной пыли заполняют воздух убежища. Пахнет дымом дешевых сигарет.

У Задилова першит в горле, зудит в носу. Он короткими вдохами вбирает в ноздри затхлый воздух и...

И широкая ладонь, пахнувшая тухлой рыбой, плотно прилегает к его лицу, прекрывая дыхание.

– Сторож... Чихнешь -убью!

Когда ворчливые старческие шаги сторожа стихают, Задилова тошнит. Он фонтаном выплескивает из глотки содержимое желудка.

– Это вместо спасибо? Все мне здесь изгадил...

– Извините, – во рту Задилова противный кислый вкус. Хочется пить. – У вас, случайно нет воды?

– Не гневайтесь, барин... Не знал, что дорогой гость будет... Придется потерпеть. Сейчас собаки своих щенят начнут приводить.

– Какие собаки? Каких щенят?

– Собаки –мамочки и папочки своих деток – щенят.

– А мы кто?

– А мы – на лицо ужасные, но добрые внутри.

За несколько часов проведенных под полом глаза Задинова привыкают к темноте. Теперь он различает рядом с собой узкую фигуру. Одет Коля в темную куртку с капюшоном и какие-то бесформенные штаны. Черная растянутая шапка машинной вязки напозаывает на глаза. Смотрит как-то странно – голова все время немного повернута вправо.

В углу лежища куча тряпья.

Вскоре через щели в досках пола веранды начинают сочиться тягучие пластины мутного света.

– Ну, теперь надо передремать этот день, – говорит Коля. – Главное, чтобы нас не заметили... А эти щенки такие любопытные шельмы. Флюгера носиков у них всегда по ветру и сквозняку. Старательно зубрят букварь запахов – все время что-то вынюхивают... Жрать будешь?

«Какие щенки? – думает Задинов. – Или я сошел с ума, или попал в сумасшедший мир...», но вслух произносит:

– Спасибо, Николай. Есть не хочу.

– Коля я! Запомни... Коля! – вдруг сердится Коля. – Не Нико – лай! Звучит как ну-ка, лай! Я тебе не пес... Лаять не буду!

Слышится урчание, сопенье, хруст и сердитое чавканье.

– Вчера ночью надыбал в мусорке. Зажрались, собаки... Плесени почти нет... А они полбатона выкинули на помойку. Будешь?

– Я же сказал – не хочу.

– Дело твое. Захочешь, а уже не будет. Над есть, когда есть что есть... А не тогда, когда хочется есть... Ты понял, Ваня, что я сказал? Молчишь... Да я и сам не понял... Но сказал верно. Так гласит закон нашего выживания... Или наш закон выживания. Опять, Ванек, я кучеряво мудрю. Ничего, скоро и ты начнешь так выражеваться...

Аппетитное чавканье перечеркивается звонкими криками:

– Пальма Джульбарсовна! Пальма Джульбарсовна!

Щенки, в разноцветных комбинезонах с дырочками для хвостов и в шапочках, с прорезями для ушей, лают, рычат, визжат и пищат в разную сторону. Они скачут и катаются по полу веранды, борются и дерутся в шутку и всерьез, устраивают кучу малу, покусывают и таскают друг друга за хвосты. И все время зывают к своей воспитательнице.

– Пальма Джульбарсовна! Пальма Джульбарсовна!

А воспитательница Пальма Джульбарсовна с симпатичной мордой шотландской овчарки колли в рыжей дубленке и белых сапогах-ботфортах невозмутимо возвышается над щенячьим бедламом. В передних лапах у нее мобильный телефон. Она с кем-то увлеченно переписывается. Ухоженные перламутровые когти быстро набивают текст. Морда ее то хмурится, то расцветает улыбкой. Она все время облизывает свой клыкастый рот пульсирующим алым языком.

Все это Задинов по частям и фрагментарно видит из щели пола, пока Коля дремлет на куче тряпья.

Вдруг один из щенков тычет носом в щель между досок как раз напротив глаза Ивана Петровича. Глаз чувствуют горячее дыхание маленькой овчарки. Задинов боится шевельнуться.

А кутенок рычит и начинает царапать пол, пытаясь расширить щель. И другие щенки, приседают рядом, и, нетерпеливо повизгивая, когтями стараются разодрать доски. Вниз на лицо Задинова сыпется промерзшая пыль, крошки грязного снега и льда.

– Фу! – не отрываясь от телефона, рычит Пальма Джульбарсовна. – Детки, фу! Фу, я сказала!

«Детки» дружно и энергично виляют хвостиками и опять начинают носиться вокруг воспитательницы. Только мохнатая черная толстوشечка, первая учуявшая людей под полом, не отрывается от щели. Она продолжает рычать и принюхиваться. Ее черные глазки пытаются

сфокусироваться на глазном яблоке Задинова. И когда лазер щенячьей любопытства начинает цекотать и жечь зрачок затаившегося Иван Петровича, вновь рыкает воспитательница:

– Найда Кавказская! Кому я сказала: фу!?

Найда звонко тявкает и косолапо, заваливаясь, бежит к очередной куче-мале на середине веранды.

Под верандой облегченно выдыхает Задинов Иван Петрович, примерный семьянин и ответственный работник, который не может понять почему он здесь в этой яме находится находится, и который уже очумел от того, что видит и испытывает.

– Ты, наверное, был третьим сыном в семье... – цедит сквозь зубы Коля и замахивается на Задинова.

– Почему третьим?.. – Иван Петрович съезживается и пытается отодвинуться. Но отодвигаться в этой подпольной тесноте некуда.

– Потому что ты – Иван дурак... Спалил нас... Теперь надо менять лежку. Лишь бы до темноты не было шухера...

– Да они же безобидные щенки глупые... Чего их бояться?..

– Нет, ты – не Иван дурак, ты – Ванька дурачок. Эти кутята, самые опасные для нас. Они в своем собачьем ангельском возрасте воспринимают мир с щенячьей непосредственностью. Услышали шебуршание под полом, принялись и определили – это человек. И если прячется, значит он враг. Просто они еще не могут сосредоточиться долго на чем-то, потому что вокруг столько интересного для них. Быстро отвлекаются. Это нас и спасло. Пока.

– Мне кажется, Коля, вы утрируете...

Ивану Петровичу так хочется, чтобы этот дурацкий сон скорее закончился. Надоело выслушивать нотации и поучения от этого вонючего грубого бомжа...

Ну пусть, господа, это будет глупым затянувшимся розыгрышем. Сейчас распахнется потолок над головой, вспыхнут софиты, засуетятся операторы с камерами и прозвучит ликующий голос Валдиса Пельша:

– Это розыгрыш!

И все засмеются и захлопают в ладоши. Красивые девушки модельной внешности – ассистентки ведущего поднесут цветы.

Но кому надо разыгрывать его – рядового, практически, служащего? Да, он – заместитель начальника отдела... Но в отделе-то всего народу – он и начальник отдела.

Нет, это не розыгрыш. Разыгрывают на телевидение знаменитостей. Потому что зрителям интересно смотреть как они дергаются в глупых ситуациях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.